

Ирина ТЕТЕРИНА,

спектор «ОЛГ» по Ближнему Востоку

«Долой Мубарака!» – гневно скандирует толпа на центральной площади Каира. В город стягиваются сотни танков. Небо утюжат вертолеты. Пожары. От гари и слезоточивого газа щиплет глаза. Слышны пулеметные очереди... 25 января 2011 года на карте Африки появилась новая горячая точка – Египет. Прошёл год. Иду по Замалику – небольшому посольскому городку. Многие изменилось даже в этом престижном районе Каира. Вызывающие граффити на стенах. Хлам и мусор в заброшенных лавках. Разбитые витрины. Нищие. В глазах людей – настороженность и тревога. С лиц исчезли улыбки.

Брожение началось в социальных сетях, среди молодёжи. Виртуальное недовольство вылилось на улицы крупных египетских городов. Бунт привёл к свержению власти. Но что делать с обретенной свободой, повстанцы не знали. У них не было ни лидера, ни четкой программы действий. Под шумок вышли из тени и легализовались запрещенные прежде «Братья-мусульмане» и ещё более

агрессивные сторонники фундаментального ислама – салафиты. Созданные ими партии «Свобода и справедливость» и «Эль Нур»

стал экс-глава Лиги арабских государств Амр Муса.

Бывший правитель бывшего уже светского государства Му-

Недовольными оказались и те, за кем сохранились рабочие места. Демонстрации перешли в забастовки. Бастуют даже служители

воинствующей толпы – картина, достойная конца света.

Теперь даже многие противники прежнего режима вынуждены признать, что раньше жилось и лучше, и спокойней. Мубарак был той плотной, которая сдерживала обострение многих проблем. «Демократическая» революция прорвала её. Политические и экономические недовольства приобрели религиозную окраску. Начались гонения на исконных жителей этих земель – христиан-коптов. (Само слово «копт» переводится как «египтянин»). Исламисты выдвигают иноверцев из всех сфер, требуют запретить христианские праздники, есть случаи поджогов и разграбления церквей, убийства прихожан. Копты, а их в Египте восемь миллионов, вынуждены эмигрировать. Предполагают, страну покинуло уже около четверти миллиона человек. Массовый отток продолжается.

В начале волнений иностранцев (в основном женщин и детей) эвакуировали на родину. Большинство россиян, как и я, через какое-то время вернулись назад, к своим близким.

В мутной воде анархии началась разгул преступности. Смирные прежде бедуны повалились на рынки курортных городов – не покупать, а выбивать дань с торговцев. С несговорчивыми продавцами не церемонятся – подкапывают их палатки вместе с товаром. Бедуны-разбойники, вооружённые кухонными ножами, контролируют теперь и дороги, нагло выворачивая карманы перепуганных путешественников.

Благодаря массовой амнистии (уголовников просто распустили на вольные хлеба), ужасов стало ещё больше. Полиция не справляется с масштабами преступности. Да и озлобленные стражи порядка больше собственным бездельем. Военные, которые сейчас у власти, уголовные дела расследовать отказываются.

Водители общественного транспорта в отсутствие контроля гонят по трассам на запределных скоростях. На такой же, в боль-

шинстве своём, запределной по изношенности технике. В числе пострадавших немало и иностранцев. В конце года в ДТП погибло 11 туристов из Венгрии, ещё 27 получили ранения. Так что экскурсия к пирамидам для кого-то может стать последней...

За год в стране не произошло ни одного позитивного преобразования. Из госрезерва (36 млрд. долларов США), накопленного при Мубараке, половина средств принесена на алтарь революции.

А что думают сами жители Египта? Опрос общественного мнения показал, что вопросы демократии волнуют лишь 0,7% египтян. А ведь переворот в стране был совершён «во имя демократических реформ». Высшему совету вооружённых сил, по последним данным, продолжают доверять 70%. Митяжники же требуют немедленной отставки военных. Это значит, что идеалы революции, мягко выражаясь, не совпадают с чаяниями народа. Мрак перемен накрыл страну.

Религиозные фанатики – в предвкушении шарнирных преобразований. Изменения грядут во всём укладе жизни. Затронут они и туристический сектор, ежегодный доход которого составлял более 10-ти млрд. долларов США. Иными словами, исламисты готовы жертвовать курицей, несущей золотые яйца.

По сути, выложена дорога к исламскому правлению, при котором всё светское станет запрещённым, а само слово «демократия», так любимое «революционной» молодёжью – крамольным. Доигрались...

P.S. 25 января. На столичной площади по случаю первой годовщины революции собрался десяток тысяч. Главный подарок к празднику – отмена режима чрезвычайного положения, действующего в Египте более 30-ти лет. Одни ликуют, другие – обещают вторую волну беспорядков и требуют свершения режимоу уже за пределами собственной страны – в Сирии и Йемене. Но есть и молчаливое большинство, которое осталось в этот день дома.

Египет в Мраке переделен

включились в предвыборную гонку. Среди крайних политических сил и партия «Реформы и справедливость», лидер которой, шейх Омар Абдул, находится в американской тюрьме по обвинению в терроризме.

Главная площадь Каира Тахрир в эти смутные времена – словно переходящее из рук в руки знамя. Подъезды к ней заблокированы. Офисы и магазины в округе закрыты. Ветер гонит по асфальту листовки, мусор, обгоревшие документы... За год волнений на площади не раз менялись лозунги и лица, неизменной осталась лишь агрессия протестующих и их неистовое желание убедить мир в том, в чём они не уверены сами. К вечеру привычно пойдут в ход резиновые пули и слезоточивый газ военных в ответ на шквал камней и бутылкок с зажигательной смесью.

Гневные речи ораторов расплают толпу. Улыбчивы только лица кандидатов в депутаты на рекламных щитах. Их тысячи по всему городу. Но людям, живущим натуральным хозяйством на два доллара в месяц (таких в Египте 30%), не разобратся в партийных премудростях. Они выбирают по совету или за вознаграждение. Результаты голосования неожиданными не стали. Большинство депутатских мест в новом парламенте у партий исламского толка.

Кто будет президентом Египта, станет известно до 30 июня 2012 года, если не случится... новой революции. После того, как экс-директор МАГАТЭ Мохаммед аль-Барадеи снял свою кандидатуру, основным претендентом на высший государственный пост

барак мог покинуть страну, но, верный своему слову, остался. Он и оба его сына арестованы. Экспрезидента на судебные слушания принесли в носилках. Скоро станет известно, каким будет вердикт суда, – если обвиняемый доживёт до его окончания.

религиозных культов. Основное требование – повысить жалование.

Один из способов поправить финансовое положение – мародёрство. Трофеями вандалов стало не только содержимое торговых центров. Во время беспорядков столел крупнейший мировой центр

Страна погрузилась в глубокий экономический и социальный кризис. Туристический сектор потерял сотни миллионов долларов, если не случится... новой революции. После того, как экс-директор МАГАТЭ Мохаммед аль-Барадеи снял свою кандидатуру, основным претендентом на высший государственный пост

египтологии. Основная версия – случайный поджог. Вроде бы, повстанцы закидывали бутылками с зажигательной смесью здание парламента, но промахнулись и угодили в Институт Египта. Более двухсот тысяч бесценных книг и рукописей практически полностью уничтожены. Обгоревшие древние свитки под ногами

Сергей АКЧУРИН,

спектор «ОЛГ» по Скандинавии

Мои «взаимоотношения с границей» начались очень просто, когда русским разрешили свободно ездить по разным странам. Многие люди стали бывать везде, по всему миру, и я тоже. Хотелось посмотреть другую жизнь. Это были путешествия, иногда длительные, во время которых я обнаружил: существуют другие менталитеты – не только русский, что для меня как литератора стало очень важным открытием. Странно, но, читая переводные книги, об этом не думаешь. Читаешь ведь на русском, и через язык всё кажется родным, понятным и близким. Но подобное – из-за недостатка образования: в моём поколении мало кто читал книги в подлиннике. А на деле, в поездках, оказалось, что сталкиваешься с этим самым подлинником, языка которого не знаешь... и всё воспринимается как чуждое и инородное, совсем иначе, чем в книгах.

Вот уже много лет подряд, начиная с мая и до ноября, я живу в Финляндии, в её северной части, в двухстах километрах от полярного круга. Когда-то давно моя сестра купила здесь дом. Это маленький хутор в лесу, на берегу большого озера. Спокойная финская созерцательная жизнь, уединение, отсутствие проблем, которые существуют в мегаполисе, – вот причины моего проживания здесь. В этом праздном уединении книги читаются как когда-то в детстве – с погружением. Ну, и сочинительство как-то к лицу... К тому же не люблю пышную природу, яркие цвета, тёплое море – вообще экзотику, если так можно выразиться. Мне по душе скупые краски, которыми раскрашена тундра, серые камни, холодные синие озёра и реки, молчаливые люди. Словом, люблю север. Наверное, генетически я – человек Гиперборея...

За эти годы образовалось много друзей-финнов вокруг, владельцев таких же хуторов, людей среднего и маленького достатка. Причём все они безумно интересные и многообразные. Немного словные и замкнутые финнов очень обманчивы. Вот три вещи, которые отсутствуют в рекламных проспектах об этой стране: финны образованы и европейски, мало пьют и любят и уважают Россию... Только нужно уметь вытянуть из них эти качества, которыми они далеко не с каждым делится. В нормальном финском доме всегда есть небольшая библиотека, обязательно справочные книги – энциклопедии, словари и т.д. Причём на трёх языках: финском, шведском – тоже государственным – и английском.

Книги дорого стоят, но их покупают. В финских поездках все читают. Об уровне книжного дела можно судить по шикарным ярмаркам,

уже целый роман. Вот и никак не ответишь даже на простой, казалось бы, вопрос. И так во всём, какой предмет ни возьми. Может

уважают, рядом с музеем огромное поле, заставленное тысячами камней, каждый из них – памятник солдату, причём и финско-

А я этого человека знаю: Марко Кемпанен, сын охотника, сам охотник, а работает начальником дворников у нас в городке. И стреляет по тарелочкам. Спустя неделю этот Марко приезжает с серебряной олимпийской медалью – единственной, которую завоевали финны. И становится национальным героем. Тихий такой, скромный молодой мужик. Торжества прошли – он опять командует дворниками. И ещё одна знаменитость из этого городка: Хейкки Ковалайнен, который гоняет сейчас где-то в Европе на Формуле-1. Ладно, оставим сей антураж, и у нас в России такого нетерпено...

Итак, спускаюсь к озеру и присаживаюсь на камень. На озерный ветер. Голова моя седеет, как эти волны, и думаю: почему меня сюда занесло? Что я здесь делаю? Сиж, как финн, в полном одиночестве где-то на краю земли, в окружении дикой природы и чужого менталитета и смотрю на бушующее озеро. Никого нет, никого...

И я задумываюсь о своих друзьях молодости – двух литераторах, один из которых по тем же самым необъяснимым причинам вот так же сейчас сидит на японском берегу и смотрит на Тихий океан уже больше десяти лет, а другой – пьёт в ресторане «Каспий» русскую водку, и это было бы понятно, если бы «Каспий» не находился в центре Торонто, где литератор прозябает уже около двадцати лет. Почему судьба так раскидала нас? Ведь мы – русские писатели. Но тот, что в Японии, глядя на чуждый ему океан, пишет о японских красотах и Фукусиме, сам я сочиняю финские сказки, которые в России никому не нужны, а сидящий в «Каспий» переводит мои сказки на английский язык и издаёт на том материке, с которого мне приходят восторженные письма читателей вообще не моего мира... И никто из нас троих – уже давно ни одного настоящего слова о России.

Как будто забыли о ней и от неё отказались. Как так Бог устроил? И финское озеро... Абсурд! Почему мы не в русской деревне, где всё так «мило нашему сердцу», и не едим друг к другу в гости на тройках? Почему? Почему не разводим в прудах собственных карасей? «Ездят, – думаю я, – ездят на лошадях и разводят, но это не мы, это другие...» И вспоминаю окончание своего же рассказа: «Годы прошли. Деревня гремит суицидом. Там появились баптисты. Они не пьют и не курят. «Реп» вступил к ним и полгодом спустя, трезвый, повесился на бревне. Пьяный «Соха» лёг под трактор и его раздавили. «Волчок» выпил уксус. «Грош» сидел в

какой-то компании, и его отравили. Другие на дне. Дом в деревне я продал. Что у нас за страна? Может быть, это ответ? Не знаю... Валы с озера набегают один за другим, летят брызги.

Думаю: может, менталитет колючей? Мать у меня татарка... Не то. Никакой татаркой мать не была, а просто мой дед, когда поступал на рабфак, был мещерак. Нет, сказали ему, меньшинства упраздняются... А язык у тебя какой? – Татарский. – И записали: татарин... Опять не то...

Шквал прошёл, озёрные воды разгладилась. Зеркало. Сразу зашныряли птицы и рыбы. Забираюсь в лодку, завожу мотор и плыву. Меня обгоняет на своём сильном моторе чемпион по тарелочкам Кемпанен. Машет рукой, я – ему. И иду на тихом ходу к острову. Скоро место, где меня в позапрошлом году вдруг перебрисало за два километра: плыл и – сразу не там. Поверьте: точка провала во времени... Вспомнилось неожиданно, что и «Каспий» торонтский не тот... Позволил раз в Торонто и посоветовал заказать рыбной соляночки к водке, чтобы мой друг закусьвал; так позволил, поучаствовать... А он в ответ: «Каспий здешний не наш, Каспий другой стороны, а там, знаешь, Азербайджан и Иран... Так что в меню одни поля и кебабы... Подмена...»

«Подмена!» – осягает меня. Началось всё с «Обмена»... Там человек не выдержал, сдался – и поехало, и пошло! И превратилось теперь в Подмену! В огромную Мировую Подмену! Вот почему, вот почему мы раскидали и не заводим собственных карасей!

Место временных аномалий уже подо мной... лодка идёт тихо... И мне почудилось: мы ещё выразим что-то важное про Россию на русском, не я – так другие! Но одновременно слышу в этом озёрном месте как бы далёкую и протяжную финскую песню, что тянется над водой, и душу мою заполняет не нашего Николая Васильевича «тройка», но чёрные, большие челны, которые скользят по воде, как тени, с тенями суровых финских гребцов и движущихся в такт их телам вёсел. Древние финны плывут на далёкое богомолье... И всё это именно вижу... Странное место...

Впрочем, вчера в лесу я наткнулся на россомаху. Она любопытна. Похожа не медвежонка. Пишет, её боится даже стая волков...

Август. Стемнело, почернела вода. На небе одна за другой катят зеленатоватые волны северного сияния, на этой широте редкого. Далеко виден огонёк моего причала – по существу просто мостков на воде... Плыву домой...

До Москвы полторы тысячи километров, сутки езды на машине.

Русский писатель

на финском хуторе

которые постоянно прохорают в Хельсинки и других больших городах. Разные жанры пользуются спросом. Уровень литературы высокий. Выше среднего, во всяком случае. Нельзя сказать, что книга слеза. Наоборот.

Финнов не волнует, русский я или нет. Есть отношение к индивидууму, а не к национальности. Это очень важно! Мне, например, от Финляндии как от государства ничего не нужно, финны это видят и понимают. Такая самостоятельность, по-видимому, вызывает уважение и поэтому не один раз приходилось слышать: «Ты дома». Я чувствую их уважение, несмотря на разницу менталитетов. И ещё финны предпочитают, чтобы между собеседниками было расстояние не меньше метра – не подходи по-русски к самому уху и не чмокайся взаос. Ну, а поддержку и помощь: от умелого выкорчёвывания пня и до решения какого-нибудь бюрократического вопроса, – финны оказывают в одну секунду, просто с беспрецедентной скоростью. Может, кому-то они и «тугодумы», но на отзывчивость скоры.

Так что в Финляндии мне жить легко и просто. Денег на эту жизнь, кстати, нужно не больше, чем у нас в России. Цены приблизительно одинаковые: хлеб дороже, курица дешевле...

Перед моим финским домом берег большого своенравного озера, тут и там огромные валуны, принесённые когда-то давно ледником. Я стараюсь прислушиваться к ним, ведь камни обладают информацией, которую мы просто не научились считывать. А также меня интересуют небо, вода и деревья. Плюс эти камни. Остальное всё надоело до жути. Потому что всё остальное как-то очень расслаивается, все понятия в наше время слишком дифференцированы. Предположим, в интервью одной газете меня спросили: почему я начал писать? Думал, думал – и цепочка раздумий привела к следующему выводу: потому что в 1975 году в СССР подорожала водка... А это

быть, вообще все понятия требуют пересмотра. Но кто за это возьмётся? Так что я для себя как бы заново начал размышлять о самых простых вещах: вода, камень, ну, и тому подобное.

Итак, жизнь свою на финском хуторе я могу описать только как жизнь раздумий. Хотя, конечно,

му, и русскому. Они тщательно подсчитали своих и наших. А в двадцати километрах стоит чёрный обелиск поггибшим в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, там тоже вторглась дивизия, которую финны вырезали жестоко и быстро... Вырезали лапландцы – северные финны,

вокруг есть о чём рассказать. Например, в тридцати километрах от дома, ближе к российской границе, находится музей войны, потому что в этих местах были сражения. Вторглась наша дивизия, чтобы перерезать Финляндию пополам: здесь как раз самое узкое место у вытнутой с юга на север страны. Вторглась с техникой, дорога одна и узкая, колонна растянулась на 50 километров, вокруг только леса, мороз 35 градусов; куда наши идут – сами не знают. Городок близлежащий финны предусмотрительно сожгли, а жители ушли в леса, на хутора типа моего, куда только и ведут тропинки. Сожгли, чтобы не оставить еды и крова. Ну, понятно, колонну расщёлкали по частям... Но финны врагов –

по мнению остальных, люди с плохим характером... А какому народу нравится, когда его территорию расчленяют? В тех местах остались немецкие бункера и растут очень много брусники. Или ещё достопримечательность округи: в городке нашем жил финский писатель Кианто Илмари, который до этого, кстати, работал и печатался в Петербурге. Романист, для финской культуры – личность, классик. Теперь по огромному озеру плавают белый прогулочный корабль, названный его именем... Наше время. Соседка Таня, встречает меня в магазине и говорит: «Вот проводила зятя на Олимпийские игры в Грецию. Ну, собрали сумку, сделали бутерброды и – поехал. Переживаем за него».